

ПРОЛОГ

Девушка лежала лицом вверх, глаза ее, темно-серые, в тон хмурому ранне-весеннему небу, были широко открыты, а на щеках, словно слезинки, блестели капли прудовой воды.

Она была совсем молода, лет двадцати с небольшим, и довольно красива. Ее лицо хорошо сохранилось, потому что, судя по всему, пролежала она в воде совсем недолго, притом в ледяной, и выглядело бы почти живым, если бы не сильная бледность и голубоватые полукружья под глазами. Из-за этого она казалась похожей на куклу. Распущенные длинные темные волосы, разметавшиеся вокруг головы, колыхались на поверхности пруда, будто создавая траурный ореол.

— Русалка, — прокомментировал сержант Панов, глядя на девушку с берега.

— Ты, Панов, лучше доставай ее поскорее, — посоветовал стоявший рядом

следователь Метелицын. — Экспертам работать пора.

Судмедэксперт Волгин в это время сидел в машине, переговариваясь с коллегами по отделу полиции «Тропарево-Никулино», и, в соответствии с выработавшимся за годы благодаря профессии цинизмом, рассказывал очередной анекдот.

— Кто — я? — удивленно переспросил Панов.

— А кто — я, что ли? — разозлился Метелицын.

— Так, товарищ майор... — пожегился сержант. — Вода-то холодная. Начало апреля все-таки...

— Что, насморк боишься схватить? Ничего, вот тебя сразу врач и подлечит на месте! — кивнул Метелицын на Волгина.

— Может, ее багром каким-нибудь подцепить, а? — с надеждой предложил сержант.

— Слушай, Панов! — разозлился Метелицын. — Не полезешь, тебя точно Волгин осмотрит! Только уже в морге у себя, куда я тебя отправлю, если ты не прекратишь свои бредни нести! Ну, что стоишь? Иди давай!

Панов неуверенно подошел к берегу, нагнулся, пощупал воду рукой и сразу отдернул ее.

— Как огнем обожгло, — пожаловался он, обернувшись на Метелицына и надеясь, что тот все-таки согласится подцепить тело девушки каким-нибудь подручным инструментом, но следователь сверлил его неумолимым взглядом.

С берега тело точно было не достать, однозначно надо лезть в воду. А кому, как не ему, сержанту Панову? Не офицерам же! Понятно, не царское это дело! Заранее ежась, Панов ступил одной ногой в пруд. Холодная вода сразу затекла в ботинки, намочила носки, ногу тут же заломило. Выдохнув, Панов опустил в пруд вторую ногу...

Сержанту Панову было двадцать три года. Он пришел работать в полицию три месяца назад, когда, помыкавшись после армии по курьерским службам и фаст-фудам, отчаялся найти хорошую работу с достойным заработком, позволявшим не просто выживать, а нормально жить. Зарплата в полиции, в роте ППС, такой возможности тоже не давала, зато давала дополнительные способы заработка, которые Панов отчаянно пытался использовать: от мзды с бабулек, торгующих возле перехода пирожками, до стрясывания денег с родителей подростков, попавшихся с какими-то мелкими правонарушениями. Спустя два месяца Панова «повыси-

ли»: взяли в отдел ОВД «Тропарево-Никулино» опером. На деле здесь оказалось еще хуже: при возросшем на четыреста рублей окладе он лишился возможности калымить на старушках и вьетнамцах, зато на выездах ему приходилось выполнять самую грязную работу. Как, например, сегодня — вылавливать тело девушки из ледяной воды Никулинского пруда.

Панов, зажмурившись, обреченно сделал несколько шагов, стараясь не замечать отвратительного ощущения, когда вода поднялась выше колен. Передвигаться было тяжело, а тело, с берега казавшееся совсем рядом, словно постоянно отдалялось. Наконец Панову удалось ухватить его за что-то скользкое, и он потянул на себя. Это оказался острый носок сапога. Он начал медленно тянуть девушку к берегу, отступая маленькими шагами.

— Волгин! — крикнул Метелицын. — Сюда давай!

Когда сержант подтащил тело к берегу, судмедэксперт и следователь подошли ближе и, наклонившись, все вместе вытянули его.

— Тянем-потянем — втянули репку, — усмехнувшись, прокомментировал Волгин, вытирая руки тонким платком.

Панов, тяжело дыша, выпрямился. Брюки его были насквозь мокрыми выше

колен, и сержанта уже начинала колотить дрожь.

— В машину беги, — распорядился Метелицын. — Переодевайся.

Панова не надо было уговаривать, он быстро пошел к машине, и при каждом его шаге из ботинок выливалась вода.

— Ну что, нам можно теперь идти? — переминаясь с ноги на ногу, спросил пожилой мужчина, державший на поводке крупную овчарку. Собака вела себя смирно, однако, когда девушку вытащили из пруда на берег, стала рваться с поводка и громко залаяла. Хозяин пытался ее успокоить, сдерживая поводок и повторяя: «Фу, Лорд, фу!»

Всего полтора часа назад Николай Павлович Говорухин гулял со своим любимым псом в парке Школьников, как и всегда по утрам за последние четыре года — с тех пор, как Лорд появился в его доме. Прогулки эти происходили практически одинаково: три-четыре круга по парку с короткими остановками и одной подольше, как раз вот тут, возле пруда, стоять возле которого нравилось им обоим — и хозяину, и псу. Потом домой, где каждого из них ждал свой завтрак, заботливо приготовленный Валентиной Васильевной, женой Николая Павловича. Сама она прогулок с Лордом никогда

не совершала по причине развивающегося артрита, мешавшего ей не только выходить из дома, но и подбирать удобную обувь, поэтому Николай Павлович и Лорд гуляли вдвоем. Но приготовление еды было святой обязанностью Валентины Васильевны, так что по возвращении хозяина всегда ждали горячие оладьи или блинчики с вареньем, а его питомца — огромная миска супа с пельменями, а если у хозяйки было совсем хорошее самочувствие, так и бульон с куриными потрохами.

Николай Павлович посмотрел на часы. Была половина десятого утра. И блинчики, и суп давно безнадежно остыли, и сама Валентина Васильевна уже три раза звонила спросить, куда запропастились ее домочадцы, ибо Лорда оба пенсионера почитали за члена семьи. Николай Павлович ответил кратко: задержались по одному делу, все в порядке. Не мог же он сказать по телефону правду, что три часа назад, когда они уже завершали свой моцион и подходили к пруду, чтобы постоять у него минут десять-пятнадцать, Лорд вдруг ошетинился, зарычал, а затем стал грозно лаять, прыгая вокруг хозяйна и всем своим видом показывая, что в пруду находится что-то страшное и непонятное.

Кое-как успокоив его, Николай Павлович все же спустился к воде. Пес все это время дрожал от возбуждения и лаял не переставая. Причина такого поведения стала ясна Николаю Павловичу, едва он увидел торчащие из воды носки коричневых женских сапог, а затем и всколыхнувшееся от резкого порыва ветра тело, одетое в синее пальто.

То, что девушка мертва, он понял сразу. Первым делом шевельнулась грешная мысль убраться отсюда поскорее подобру-поздорову, пока никто его не видел. Все равно бедняжке уже ничем не поможешь. Однако воспитанный по законам ставшей уже далекой и почти нереальной советской действительности, Николай Павлович пересилил свое малодушие и решительно набрал на сотовом две цифры — «ноль-два», а затем, подавив вздох, стал дожидаться приезда полиции.

Полиция приехала минут через сорок, когда у Николая Павловича от сырого воздуха и близости пруда уже заоченели ноги и руки. Потом еще что-то обсуждали, потом решали, кому и как вытягивать девушку из воды... Словом, почти три часа проторчал он тут вместе с Лордом.

— Подождите еще минутку, — бросил ему Метелицын, поймавший хмурый

взгляд Николая Павловича. — Скоро отпустим.

— Первым осмотришь? — обратился к нему судмедэксперт.

— А может, ты? По горячим следам? — отозвался майор.

— Я не спешу, и она тоже, думаю, не торопится, — усмехнулся Волгин и снисходительно пояснил: — Она все равно не меньше двух дней в воде пробыла, так что так называемые горячие следы давно остыли. Поэтому я уж не торопясь, с чувством, как говорится, с толком.

— Да уж, без толка лучше и не начинать, — кивнул Метелицын и приступил к осмотру.

Собственно, осматривать оказалось особо нечего. Протокол составили довольно быстро: девушка, на вид двадцати—двадцати пяти лет, одета в демисезонное пальто синего цвета и демисезонные сапожки коричневого цвета. Карманы пустые, на теле видимых ран и повреждений нет. Это стало понятно после того, как Метелицын расстегнул пальто девушки и с помощью сержанта Панова не без труда стащил мокрую одежду.

— Ни-че-го, — констатировал Метелицын, рассматривая тело. — Ни татуировок, ни даже родинок приметных. — Он

вздыхнул. — Как же мы тебя, милая, идентифицировать будем?

— Я вот думаю, товарищ майор, может быть, у нее сумка с собой была? — услышался голос сзади.

Метелицын обернулся. К ним подходил сержант Панов. Он уже переобулся в кроссовки, снял мокрые брюки, и теперь стоял, завернувшись в клетчатый плед, намотав его на нижнюю часть тела. Из-под пледа торчали худые, почти безволосые ноги.

— Ты прямо как солдат шотландской армии, — окинув его взглядом, оценил Волгин и язвительно добавил: — Потерпевшей сокрушительное поражение.

Панов не смутился, он уже привык к постоянному подшучиванию бывалых коллег.

— Я просто подумал, что у нее должны же были быть с собой деньги там, ключи, телефон... Если карманы пустые, значит, сумка должна быть!

— Молодец, Панов! — похвалил его Метелицын. — Ты у нас прямо будущее светило криминалистики! Только, может быть, девчонку сюда на машине привезли. Сумка в машине и осталась.

— Или вообще убили в другом месте, а здесь просто утопили, — высказался Волгин. — Хотя следов от машины, равно как

и следов волочения, я не вижу, но вчера дождь весь день сыпал, может быть, и смысл. Пусть эксперты поработают.

— А вы разве не эксперт, Юрий Михайлович? — удивился Панов.

— Я эксперт по человеку, душа моя! — ласково ответил Волгин. — Точнее, по человеческим, так сказать, запчастям. А все, что вокруг — следы шин, земля, камни, сумки и прочая неживая природа, — не по моей части.

— Если бы убили в другом месте, а здесь хотели просто скрыть тело, не стали бы бросать рядом с берегом, — с задумчивым видом заметил Метелицын. — Поглубже бы погрузили. А так тело и не утонуло, на мели плавало, хотя одежда намокла и потяжелела.

— Ноги боялись замочить, — снова усмехнулся Волгин.

— И все равно сумку надо поискать! — упрямо повторил Панов.

— Вот ты и поищи, — тут же услужливо предложил Волгин. — А что? Температура воздуха примерно плюс восемь, температура воды — где-то градуса два-три. Самое время для ныряний, Панов! Ты у нас, случайно, не морж? Не увлекаешься, нет? Напрасно! Закаливание организма — отличная профилактика многих заболеваний, это я тебе как врач говорю!

— Ага, — криво усмехнулся Панов. — Как патологоанатом... Вот я к вам на прием и попаду на стол после такого закаливания — прямиком на холодный стол. Тут водолазов вызывать нужно.

Волгин смерил сержанта оценивающим взглядом. Губы у него были синеватыми от холода, и дрожь еще не прошла, а все-таки держался, старался вникнуть в работу, советы вон даже давал. Пожалев парня, достал из кармана пальто плоскую фляжку, отвинтил крышку, наполнил ее и протянул сержанту:

— На! Выпей, а то, не ровен час, мы с тобой и впрямь вскоре у меня в морге встретимся.

Панов залпом глотнул пятьдесят граммов обжигающей жидкости, закашлялся и с трудом выдохнул:

— Ничего себе...

— А то! — невозмутимо отозвался эксперт, завинчивая крышку. — Чистейший медицинский спирт, натурпродукт! Лучшее лекарство! Такого тебе в супермаркете не продадут, да и в аптеке тоже.

— Почему? — не понял Панов.

— Потому что на него рецепт нужен. Так что пользуйся добротой дяди Юры! — Он хлопнул Панова по плечу и обратился к Метелицыну: — Ну, что там, ты с тряп-